

ГУМАНИТАРНАЯ МИССИЯ РОССИИ

DOI: 10.20542/2307-1494-2018-1-182-196

Аннотация Гуманитарная политика России нуждается в серьезном пересмотре. На современном этапе эта политика в основном сосредоточена на реализации символических, культурных программ, в соответствии с ошибочным представлением о сфере гуманитарного как относящего исключительно к «культурной» и «духовной» сфере. Хотя такие программы тоже нужны, главная слабость российской гуманитарной политики состоит в том, что она – за исключением таких гуманитарных операций в условиях острых вооруженных конфликтов, как в Сирии – не сопровождается и не подкрепляется конкретной работой «на земле», направленной на улучшение гуманитарного положения населения.

Россия, которая, в силу своей политической традиции, подчеркнуто концентрируется на официальном треке и лишь сравнительно недавно начала активно пользоваться инструментами информационного воздействия, фактически самоустранилась от работы в сфере гуманитарных прав и по сути отдает это поле формирования политического влияния на откуп своим внешнеполитическим, прежде всего, западным конкурентам. Между тем, Россия должна стремиться «перехватить» у Запада гуманитарную повестку, причем в конструктивном, а не конфронтационном ключе. Гуманитарная миссия России, нацеленная на улучшение ее положения и восприятия в мире и, в этом смысле, также укрепление ее безопасности, состоит в продвижении ценностей сохранения мира и снижения глобальной напряженности. Наряду с использованием официальных каналов, реализация этой миссии требует более активного вовлечения неправительственного сектора, медийного сообщества и российских бизнес-компаний, ведущих внешнеэкономическую деятельность, а также решения проблемы острой нехватки профессионалов в области гуманитарной деятельности.

Руководству России следует уточнить приоритеты страны в области гуманитарной политики, озаботиться эффективностью российских проектов в гуманитарной области и мотивировать российских доноров и акторов на большую ориентированность на практическую работу «на земле». Такая работа должна вестись не для отчетности и не ради символического значения, а ради обеспечения влияния России и «режима благоприятствования» ей путем стимулирования лояльности и солидаризации с ней не только правящих кругов тех или иных государств, но и на общественном уровне, со стороны местного населения.

Ключевые слова Россия, гуманитарная политика, гуманитарные ценности, солидарность, содействие международному развитию (СМР), постсоветское пространство, Ближний Восток, Сирия, Русская гуманитарная миссия (РГМ), НПО

Title	Russia's humanitarian mission
Keywords	Russia, humanitarian policy, humanitarian values, solidarity, development assistance, post-Soviet space, Middle East, Syria, Russian Humanitarian Mission, NGOs
Abstract	<p>The article argues that Russia's humanitarian policy needs to be seriously revised. At present, this policy is focused on implementing some symbolic, cultural programs, in line with embedded, but misguided perception of "humanitarian" as a notion related solely to the "cultural" and "spiritual" spheres. While there is a certain need for such programs too, the main weakness of Russian humanitarian policy is that – with the exception of some emergency humanitarian relief operations in acute armed conflicts such as Syria – it is largely not accompanied or supported by practical humanitarian work "on the ground" aimed at improving humanitarian conditions for the local population.</p> <p>Due to its political tradition, Russia explicitly prioritizes the official track, has only recently started to actively employ information policy instruments and has de facto removed itself from any serious action in support of humanitarian and human rights, thus leaving this space of political influence in the hands and at the discretion of its main foreign, mostly Western, rivals. Instead, Russia should aim at picking off humanitarian agenda from the West, and at doing it in the constructive, rather than confrontational, spirit. Russia's humanitarian mission is to advance the values of peace and the need to reduce global tension, both per se and with the goal of improving its position and the way it is perceived across the world and thus also improving its security. In addition to the use of official channels, this mission requires more active engagement of non-governmental sector, the media and Russian companies that do business abroad, as well as solving the problem of acute shortage of professional humanitarians.</p> <p>Russian leadership should clarify national humanitarian policy priorities, raise awareness about the problem of effectiveness of Russian humanitarian projects, and motivate Russian donors and actors to focus more on the practical humanitarian work "on the ground". This work should be done not merely for the record, nor for the sake of symbolic meaning, but for the sake of building Russia's influence and creating more favourable conditions for its development through stimulating loyalty and solidarity not only by governments and among ruling elites, but also at the societal level, on the part of local population in affected countries.</p>

I. Введение

Формирование гуманитарных ценностей и влияние на их неизбежную трансформацию, участие в имплементации этих ценностей имеют давнюю историю и прочно стали одним из измерений международной политики. Можно спорить о том, с какого момента гуманитарное измерение стало полем политики: с британского Билля о правах 1689 г., Декларации о независимости США 1776 г., Венского Конгресса 1814–1815 гг., отвоения Балкан у Османской империи в конце XIX в., создания Красного Креста в 1863 г. или с первых попыток договориться о разоружении по предложению российского императора Николая II.¹ Но после Второй мировой войны и формирования формальной системы международного гуманитарного права тема соблюдения прав человека – от базовых (безопасность и право на жизнь) до сложных производных – таких, как политические права меньшинств и признаваемое, пусть и неформальное право на достойное развитие, – стали основным мерилом справедливости мироустройства. При этом необходимо учитывать, что индивидуалистическая трактовка гуманитарных прав,

сфокусированная на правах личности и характерная для западной политической традиции, зачастую входит в конфликт с коллективистской «восточной» (как бы упрощенно это не звучало) политической традицией, в основном затрагивающей права сообществ и общин.

В современных условиях нельзя однозначно утверждать, что попытки установления какого-то единственно «верного» понимания гуманитарных ценностей и задач всегда негативны. В одном случае такие попытки сопровождаются разрушением государственности ряда стран – в частности, Ближнего Востока – под «гуманитарными» предложениями. В другом, напротив, пренебрежение мирового сообщества вопросами гуманитарной безопасности оборачивается геноцидом (например, в Руанде в 1994 г.). В третьем – гуманитарный императив способствовал защите права жителей Крыма на самоопределение в 2014 г. Проблема, таким образом, лежит не в сфере непосредственной трансляции гуманитарных ценностей, а в избирательности такой трансляции и в отсутствии широкого международного консенсуса по их поводу. Таким образом, логично будет определить «гуманитарную политику» как транслирование гуманитарных ценностей, опирающихся на формализованные и не формализованные представления о правах человека и групп/сообществ, на сферу международных отношений.

Следует признать, что соответствие или несоответствие формализованным представлениям о гуманитарном праве уже не раз становилось как минимум предлогом для международной конфронтации. Гуманитарная проблематика использовалась и продолжает использоваться как инструмент международной политики и давления, закрепления политических позиций того или иного международного актора.

Отметим также фундаментальное отличие в трактовке самого термина «гуманитарный» в российской и западной традициях. В европейской политической традиции, восходящей к работам философов-просветителей (Ж.-Ж.Руссо, Д.Дидро и великих мыслителей эпохи модерна, поставивших вопрос о примате прав личности над общностью), понятие «гуманитарный» относится в первую очередь к правам человека или общности, в их сочетании и взаимодействии, но подразумевает нацеленность на соблюдении этих прав, от базовых до социальных. В данном контексте речь идет о широком спектре прав – от права на жизнь, безопасность и достоинство до права на культурное развитие и доступность образования. «Гуманитарный» в условно «западной» традиции означает «обеспечивающий выживание и развитие человека, его потребности и нужды». В российской же традиции термин «гуманитарный» определяется специфически – через отношения с миром культуры, духовности, искусства, т. е. сферой нематериального развития. Это сказалось как на готовности России отвечать на актуальные и часто прагматические вызовы, осознаваемые как базовые для международного сообщества, так и на эффективности тех программ, которые осуществляются российским государством и неправительственными акторами. Сложилась ситуация, когда приходится прилагать специфические усилия для формулирования и реализации гуманитарной политики в традиционных для «Запада» сферах, а работа по этому направлению в основном отождествляется с «благотворительностью», что неверно. Наиболее адекватным является определение понятия «гуманитарный» именно в классической, просветительской трактовке – через обеспечение широкого спектра прав, в контексте социальных отношений.

II. Исторический контекст: от экспорта революции к выживанию

В новейшей истории России ее «гуманитарная миссия», понимаемая как осознанное целеполагание, постановка задач и последовательная политика в гуманитарной сфере, переживала свои взлеты и кризисы. Попытки экспорта революции, предпринятые

большевиками в 1920–1930-е гг. через Коминтерн, показали эффективность гуманитарного влияния на внешний мир и международные отношения. Транслирование идеалов социальной справедливости и других ценностей коммунистической идеологии, помноженное на формирование и поддержание соответствующих организационных структур «на земле», вызвало сильнейшую солидаризацию с молодым советским государством. Однако это имело и негативные последствия: в силу содержания самой ретранслируемой идеологии, ее конфронтационного характера, политические элиты Запада стала еще более враждебно относиться к СССР, пусть им и пришлось учитывать социальный запрос своего населения. Также, в условиях, когда политический инструментарий и пропаганда оказались настолько эффективны, политическое руководство СССР отчасти попало в ловушку «простых решений». К тому же, в условиях бедности страны в первые годы и десятилетия советской власти (в силу последствий гражданской войны, разрухи, коллективизации, затрат на индустриализацию на фоне разорения деревни) проекты условной «помощи детям Германии» (вспомним художественный образ, созданный М.Булгаковым в романе «Собачье сердце» про сбор средств на отвлеченные и чуждые людям нужды) вызывали непонимание внутри страны. Подготовка ко Второй мировой и участие добровольцев в гражданской войне в Испании расставили новые приоритеты: то, что десятилетия спустя американский политолог Джозеф Най назовет «мягкой силой», бесконечно уступало в эффективности «жесткой силе», т. е. военно-силовой политике.

Тем не менее, даже в 1920-е гг. имелись примеры того, что ретроспективно можно трактовать как первые попытки осознанной гуманитарной политики в ее современном понимании. Например, льготные поставки советских промышленных товаров в Йемен или Саудовскую Аравию (Россия, кстати, была первым государством, признавшим королевство). Первая автоматическая телефонная станция в Йемене была установлена советскими специалистами вскоре после подписания договора о дружбе.

Настоящий взлет гуманитарная политика СССР испытала уже в послевоенный период, особенно на фоне усилившегося антиколониального движения в странах Азии и Африки. Во многом внешнюю политику СССР определяло соперничество с США: Советский Союз (как и США) стремился как минимум к демонстрации флага, а как максимум к снижению влияния «противника»; практически любая точка мира становилась зоной интересов СССР уже только потому, что там присутствовали Соединенные Штаты. Именно с 1950-х – 1960-х гг. тема гуманитарных прав и потребностей стала все отчетливее маркировать внешнеполитические усилия двух полюсов политического мира: сдерживание СССР подавалось как защита базовых ценностей так называемого свободного мира, а продвижение идей социализма и распространение сферы советского влияния, в свою очередь, подавались как «отстаивание прав трудящихся» или «поддержка освободительных движений». Советский Союз тратил миллиарды долларов на строительство таких объектов инфраструктуры, как Асуанская плотина в Египте, глубоководный порт Ходейда в Йемене, дорог, электростанций, школ и больниц в странах Азии и Африки, образовательные программы – на деятельность, которая объективно вызывала реакцию, демонстрирующую эффективность гуманитарного воздействия: благодарность, сочувствие и как итог – солидаризацию.

Часть этих проектов развития формально являлись коммерческими, но только формально: например, способом финансирования строительства Асуанской плотины и ГЭС была кредитная линия с минимальными процентами и ускоренным списанием задолженностей. Хотя в СССР данная деятельность формально не рассматривалась как «гуманитарная» (и обозначалась как «экономическая помощь»), она являлась гуманитарной по своей сути. Оценка объема финансирования советских программ «экономической помощи» представляет собой сложную методологическую проблему, прежде всего, в силу неконвертируемости реальных затрат в рублях на всех стадиях,

начиная от непосредственно производственных затрат до логистических и прочих, в адекватные эквиваленты. Поэтому автор сознательно не приводит конкретных оценок ее объемов. Тем не менее, очевидно, что общий объем таких программ со стороны СССР был сопоставимы с тем, что делал условный «Запад». Еще одним мощным инструментом советской внешней политики было развитие программ культурного обмена, активная политика в сфере искусства и образования.

В силу объективных причин в период с 1960-х по 1980-е гг. произошла драматическая по своим последствиям трансформация этой «гуманитарной миссии». Как отмечает востоковед А.М.Васильев, «с конца 60-х годов стал проявляться и усиливаться новый феномен в советской внешней политике – поворот от экономической модели к военной (...). В результате увеличения поставок вооружений Северному Вьетнаму, Египту и Сирии военная помощь стала преобладающей: уже к началу 80-х годов она соотносилась с экономической как 3:1 или 4:1, если пользоваться подсчетами западных экспертов».² Смещение основного вектора в сторону поставок вооружений и так называемой «жесткой силы» – военной политики и военно-технического сотрудничества (ВТС) – привело к тому, что солидаризация с СССР/Россией в мире стала постепенно размываться.

Дело в том, что государственная военная помощь всегда, по своим функциональным особенностям, адресуется или самой власти или претендентам на власть. Негативные эффекты такой военной помощи не predetermined и не возникают автоматически, но вероятность их возникновения в случае, если она не сопровождается гуманитарной помощью, высока. Даже в том случае, если поставки вооружений или иные проекты в военной области обеспечивают базовое право того или иного государства на безопасность, основным бенефициаром являются правящие круги и военное сословие (вооруженные силы, структуры безопасности). При этом население не обязательно вообще почувствует улучшение качества жизни (а это один из ключевых маркеров успешности влияния) – следовательно, эффекта благодарности и солидаризации может и не возникнуть. Более того, развитие военных программ помощи в ущерб гуманитарным, социальным проектам неизбежно приводит к милитаризации общества, и даже косвенно стимулирует правящие элиты искать простые директивные решения в ущерб сложной и хлопотной работе по улучшению уровня жизни населения. В перспективе, «на длинной дистанции» перекос в сторону военной составляющей программ помощи в ущерб социально-ориентированным проектам может ухудшить качество принятия управленческих решений и, следовательно, качества жизни.

Следует подчеркнуть, что это не касается ситуаций, когда приоритет программам военной помощи или ВТС оказывается в условиях вооруженных конфликтов, т. е. когда он логичен и даже неизбежен. В то же время, даже опыт советской кампании в Афганистане в 1979–1989 гг. показал эффективность гуманитарных программ для завоевания лояльности у местного населения. Так, из интервью автора с командиром полка советской армии, осуществлявшего в 1980-е гг. охрану керосинопровода с территории СССР на территорию Афганистана (вплоть до столицы страны г. Кабула), складывается следующая картина: боевики из числа местных жителей регулярно обстреливали и подрывали трубопровод, и его вооруженная охрана была неэффективной – до того момента как полк, находящийся под его командованием, не начал раздачу продовольствия в кишлаках вдоль трубопровода. Подразделения советской армии оказывали медицинскую помощь и помогали в вакцинации местного населения, раздавали калоши и другие товары. После чего в течение нескольких недель нападения на трубопровод прекратились. Из общения автора в ходе командировки в Афганистан в 2003 г. с местными жителями в Кабуле и Джелалабаде, включая участников вооруженных формирований «моджахедов», выяснилось, что, признавая действия советских сил в Афганистане «оккупационными», они, тем не менее, выражали уважение и симпатии к России, мотивируя это тем, что

«шурави» («советские») не только воевали, но и строили дороги, школы, электростанции и больницы.

Итак, к концу 1980-х гг. сложилась ситуация, когда эффективной гуманитарной политике СССР препятствовал комплекс сразу нескольких факторов:

- снижение объемов финансирования программ экономической и гуманитарной помощи в связи с общим падением доходов государства;
- перекося в сторону ВТС – в стремлении сохранить позиции в ключевых регионах и странах при экономии средств;
- стремление «угнаться за США» в условиях экономии и нехватки средств и ресурсов;
- размывание и постепенная утрата идеологической базы – кризис коммунистической идеологии и идеи и практики ее экспорта.

Все это привело к постепенному отказу от активной внешней гуманитарной политики. В 1991 г. «гуманитарная миссия» СССР была утрачена вместе с крахом государства. Начало и середина 1990-х гг. для новой России были временем тяжелейших испытаний, когда безопасность и сохранение русского населения в бывших советских республиках были куда важнее, чем любые мысли о выстраивании новой гуманитарной миссии для новой страны. В условиях выживания, в которых тогда находилась Россия, русское население бывшего СССР было единственным возможным адресатом какой-либо гуманитарной политики Москвы. Впрочем, гуманитарная политика и на этом направлении была провалена. Редкими исключениями стали поддержка, с большим трудом, сети Союза советских обществ дружбы/Росзарубежцентра, гастроли российских оркестров и исполнителей, деятелей искусств, часто служившие просто для поддержания их экономического выживания, а также проведение официальных мероприятий, встреч и круглых столов, на которых заявлялась российская повестка. В 1990-е гг. дело дошло до того, что на практике утвердилось представление о культурных мероприятиях как о чуть ли не единственной возможной форме гуманитарной политики – организовать что-либо другое было невозможно экономически в условиях, когда Россия сама являлась реципиентом помощи, в том числе и по линии агентств ООН и международных гуманитарных организаций.

Гуманитарная составляющая вернулась в международную повестку и внешнюю политику России только по мере постепенного преодоления «пропасти 90-х», т. е. по мере того, как Россия постепенно не только расплатилась с основной частью государственного долга, но и стала в состоянии выделять средства в качестве донора для международных организаций, в т. ч. ООН, и на гуманитарные проекты в рамках двустороннего сотрудничества. На основе здоровой оценки национальных интересов и приоритетов утвердилась и новая, суверенная внешняя политика России. В то же время остаются и такие пережитки кризисного времени, как недооценка социально-ориентированных гуманитарных проектов в пользу круглых столов и официальных мероприятий, а также проектов в сфере культуры, ставших более привычными за последние два с половиной десятилетия.

III. Гуманитарная миссия современной России: новые цели и их достижение

Гуманитарная миссия России – это целый комплекс целей и задач, а также способы/инструментарий их достижения, практическая реализация проектов, направленных на улучшение качества жизни населения в разнообразных аспектах его социокультурного бытия. Гуманитарная миссия, таким образом, это не просто политика и технология, так как она содержит и определенное «послание», которое Россия транслирует внешнему миру.

Попытка определить цели гуманитарной политики имеют два основных измерения. Первое и очевидное – этическое: гуманитарная деятельность – это долг человека и общества как суммы людей улучшить этот мир, хотя бы непосредственно вокруг себя, помогая ближнему. Это измерение основывается на базовых ценностях, которые проявляются даже в самые мрачные периоды истории общества и государства, но становятся более явными по мере удовлетворения базовых потребностей в безопасности и пище. В различных религиозных традициях и конфессиях есть однозначные основания и обязательства в этой сфере. Категории морального долга, сочувствия и помощи, выращенные внутри западной цивилизации с эпохи Возрождения, служат и важной основой современной светской культуры. Все это вместе, включая культурный багаж, можно описать как гуманизм. Универсальный гуманистический императив состоит в том, что надо помогать страждущим и нуждающимся и улучшать этот мир по мере сил.

Существует и второе измерение гуманитарной политики – политико-экономическое. В этом измерении активная гуманитарная политика является инструментом государства в идеологической сфере, смысловом поле, влияния и интересов, одним из средств формирования такого влияния. Подчеркнем, что для России, которая в силу своей истории, пространственного измерения, отношений с окружающими ее государствами просто обречена на отстаивание своих суверенных национальных интересов, формирование и сохранение влияния является одним из условий выживания, как с точки зрения безопасности, так и в экономическом плане. В этом смысле целью российской гуманитарной политики является создание режима благоприятствования России в мире через солидаризацию с ней, что в т. ч. вносит вклад в обеспечение ее безопасности.

Гуманитарная миссия России не может строиться на противопоставлении себя «внешнему миру» или его основным акторам. Противостояние – это не цель и не задача российской внешней политики в целом, хотя оно и возможно по вынужденным причинам. Накопленный Россией опыт противостояния на международной арене в годы «холодной войны», ресурсы, растроченные на это «противостояние ради противостояния» – это хотя и негативный, но необходимый опыт для выстраивания новых адекватных подходов.

Политико-экономическое измерение целеполагания российской гуманитарной политики предполагает активную работу по нескольким направлениям и региональным ареалам. Наиболее актуален для нас «ближний периметр» – в первую очередь, пространство бывшего СССР. Особое место здесь занимает Украина – в силу как тяжелейшего политического и гуманитарного кризиса, которые она переживает, так и непосредственного влияния событий в этой стране на обстановку в самой России. Не менее актуальна для России и активная гуманитарная политика в Средней/Центральной Азии, где, с одной стороны, присутствует русскоязычное население, а с другой, существуют риски распространения экстремистских идеологий, наркотрафика, экспорта преступности, неконтролируемого притока мигрантов и беженцев (в случае ухудшения там ситуации в сфере экономики и/или безопасности), экспорта нестабильности в целом. При всех различиях в ситуации в Молдавии и Грузии, они схожи в том, что в этих странах антироссийские настроения имеют активную внешнюю политическую подпитку, формализуются и являются базой для окончательного отторжения этих стран от сферы влияния России – с перспективой формирования на этих территориях антироссийских форпостов. К сожалению, в Грузии этот процесс, не без определенных просчетов и ошибок с российской стороны, уже зашел критически далеко. Адекватная политика со стороны России в отношении стран Балтии и Восточной Европы, в том числе на гуманитарном направлении, при активном использовании формата «второго трека» (т. е. не обязательно на официальном уровне), с примирительной и неконфронтационной повесткой, могла бы стать фактором создания атмосферы большего доверия. При этом защита гражданских и гуманитарных прав русскоязычных меньшинств в странах Балтии – актуальная и болезненная для России проблема – может и должна быть в достаточной

степени деполитизирована и переведена в область принятого в Европе гуманитарного понятийного аппарата – это сделает невозможным игнорирование прав национальных меньшинств в этих странах со стороны европейских институтов.

Второй актуальный для России «ареал» гуманитарной политики – Ближний Восток. Важность российского присутствия в этом регионе, который отличается высокой степенью конфликтности и ситуация в котором непосредственно влияет на ценообразование углеводородного сырья, и в более широком плане – не только на региональный, но и на глобальный контекст, очевидна. Однако посредством лишь сверхуспешной военной политики и официальной внешней политики (“hard power”) можно победить в войне, но сложнее выиграть мир. По сути, деятельность российского Центра по примирению воюющих сторон в Сирийской арабской республике (САР) направлена именно на завоевание мира и создает необходимый контекст доверия и поле для солидаризации с Россией через признательность за помощь – даже не столько со стороны центров принятия решений, администрации, власти, сколько со стороны населения (а это самый прочный фундамент для формирования устойчивых симпатий). В Сирии, Ираке, Ливане, Ливии и других странах региона ожидают «возвращения» России не только с военными решениями, но и с позитивной гуманитарной повесткой.

Приоритетность для России этих двух ареалов гуманитарной политики не означает, впрочем, что она должна оставаться пассивной в отношении других регионов.

Европа, в силу высокого качества жизни, не может быть заинтересована в российских гуманитарных программах из категорий чрезвычайного гуманитарного реагирования, спасательно-поисково-эвакуационных мероприятий, социально-экономического развития. В гуманитарных отношениях со странами ЕС для России наиболее органичны как раз программы культурного обмена, в русле более традиционных российских представлений о «гуманитарной сфере».

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) является другим перспективным направлением российской гуманитарной политики – в силу смещения в этот регион центра мирового экономического роста и роста российских интересов в АТР. При этом сохраняющиеся во многих странах АТР гуманитарные и социально-экономические проблемы дают России поле деятельности, которое нельзя упустить.

Важными для работы «на перспективу» направлениями гуманитарной политики России являются Африка и Южная Америка: это ресурсные центры и рынки, успешно преодолевающие (применительно к Африке) проблемы массового голода и распространения болезней, могут и станут полем деятельности для российских компаний, которые могут быть заинтересованы и содействовать и развитию гуманитарных инициатив в этих регионах.

IV. Сирия как гуманитарное пространство

К сожалению, с самого начала кризиса в Сирии в 2011 г. гуманитарная проблематика во многом использовалась внешними акторами, настроенными на дестабилизацию страны, как инструмент управления конфликтом, его разжигания и подпитки.

При всей жестокости конфликта, гуманитарная сфера сама стала полем боя. Шокирующие кадры жертв среди мирного населения во втором по величине городе Сирии – Алеппо – были целенаправленно призваны вызывать гнев (нормальную человеческую реакцию на ужас войны) с целью формирования общественного мнения и влияния на принятие решений. Автор этой статьи и его коллеги по возглавляемой им гуманитарной организации (АНО «Русская Гуманитарная Миссия» / РГМ), непосредственно работающей в Сирии, сами были свидетелями ряда грязных манипуляций (когда, например, заявленное в СМИ число больниц в Алеппо, якобы разбомбленных сирийской или российской авиацией превышало реальное число больниц в городе). В осажденном

центральном районе города, который находился под контролем вооруженной оппозиции, специалисты РГМ своими глазами видели полные склады с медицинскими препаратами и оборудованием – в то время как западные СМИ сообщали о том, что в Алеппо нет бинтов (медицинские препараты специально придерживались, а помощь не оказывалась – все ради того, чтобы выдавать шокирующие телерепортажи). Сотрудники печально известной НПО «Белые каски» были неоднократно пойманы на таких фальсификациях и постановочных видеороликах, и даже были замечены с оружием в руках в рядах вооруженных групп.

Конфликт в Сирии стал еще одним печальным уроком того, что гуманитарная проблематика может эффективно использоваться для манипуляций с самыми тяжелыми последствиями, в том числе и для гражданского населения, которое и так всегда оказывается страдающей стороной в ходе «акций возмездия» или «гуманитарных бомбардировок».

В целом гуманитарная деятельность в Сирии была крайне политизирована. Более того, во многих случаях она работала на конфликт и усиливала его. Следует особо выделить поддержку сектарной (внутри- и межконфессиональной) розни через деятельность гуманитарных национальных или неправительственных организаций в рамках старательно разжигаемого суннитско-шиитского противостояния. В Сирии поддержка по религиозному признаку только тех или иных групп, особенно по принципу лояльности («вы против правительства, потому получите гуманитарную помощь») стала настоящим средством ведения войны. Например, зачастую гуманитарная помощь оказывалась только населению тех суннитских районов, что перешли на сторону вооруженной оппозиции. При этом как минимум значительная часть суннитов Сирии поддерживали правительство: это в большинстве своем люди, для которых гражданская идентичность («мы – сирийцы») важнее религиозной. Эта значительная часть населения страны была сознательно наказана основными донорами гуманитарной помощи, особенно на уровне региона – невзирая на то, что помощь бедствующему населению должна оказываться вне зависимости от его политических взглядов или религиозных убеждений.

Подчеркнем, что именно на этом принципе основывается работа российского Центра по примирению воюющих сторон (ЦПВС) в Сирии.³ Его деятельность прошла впечатляющую трансформацию: от, по сути, периферийной роли по раздаче продовольственной помощи там, где советовали представители сирийских властей – до превращения практически в гуманитарное агентство, которое совмещает деятельность по оказанию гуманитарной помощи с посредническими и миротворческими функциями, причем в тех общинах, где это нужно, а не только там, где есть сторонники сирийского правительства.

При всей эффективности гуманитарных мероприятий по линии министерства обороны и других российских государственных структур, любая такая структура по определению менее гибка и реактивна по своему *modus operandi*. Гуманитарная работа и программы восстановления часто не менее и даже более эффективно проводятся неправительственными структурами, так как люди в военной форме воспринимаются как комбатанты. При этом активность гуманитарных НПО, пусть и в сотрудничестве с военными, укрепляет гражданские структуры и связи, что уже само по себе содействует приближению мира, а не закрепляет повседневное ощущение чрезвычайного положения.

Очевидно также, что Россия не в состоянии в одиночку восстановить Сирию и не должна этого делать. Восстановление разрушенной войной социально-экономической инфраструктуры Сирии – школ, дорог, фильтрующих водозаборных станций для питьевой воды, больниц и т. д. – это общая задача. Ее решение также связано с перспективами работы иностранных коммерческих компаний в новой Сирии. Очевидно, что страны-доноры, которые способны вложиться в восстановление социальной инфраструктуры разрушенной страны, неизбежно получают и лучшие позиции в экономике. Если у стран-

доноров нет возможности или политического желания прямо участвовать в проектах по восстановлению, то одним из инструментов и источников финансирования программ восстановления могло бы стать привлечение частного капитала.

Российская гуманитарная активность в Сирии уникальна и в силу большей доступности (*“reach-out”* в международной терминологии). Например, в «Русскую Гуманитарную Миссию» обращались коллеги из европейских НКО с предложением объединить усилия по оценке гуманитарной ситуации, а затем и по программам помощи в районах Восточная Гута и Дераа. Контакты с МИД России, совместная работа с министерством обороны позволяют реализовать такие совместные программы, причем с одобрения сирийской стороны и при уважении суверенитета Сирии. Противоположный, негативный пример является собой г. Ракка, практически разрушенный коалицией во главе с США, где Агентство США по международному развитию (USAID) и некоторые другие организации работают без разрешения официальных властей Сирии (что, очевидно, закрывает им доступ в другие районы, где восстановлена или сохранена государственная власть).

В целом, расширение программ сотрудничества с иностранными гуманитарными акторами позитивно скажется на признании роли и важности российских гуманитарных операций. Например, благотворительный Фонд короля Салмана (Саудовская Аравия) тратит значительные средства на проекты помощи сирийским беженцам, но не может эффективно работать внутри Сирии по политическим причинам – для саудовских и многих других коллег выходом была бы разработка совместных программ с российскими гуманитарными НПО.

Волна разрушительных конфликтов, прокатившаяся и продолжающаяся на Ближнем Востоке и в Северной Африке, трагически сказалась на жизнях десятков миллионов людей, привела к массовым потокам беженцев, внутренне перемещенных лиц, людей, потерявших своих родных, близких, дома. Не символические, а реальные вовлеченность и участие России в решении острых гуманитарных проблем региона создадут прочное основание для солидаризации с ней и роста ее влияния.

В более широком плане важно подчеркнуть, что в условиях так называемой арабской весны начала 2010-х гг., на фоне усугубившегося объективного социально-экономического и административного кризиса в Тунисе, Египте, Ливии, политическое содержание протестов выросло из их, прежде всего, социального и гуманитарного содержания. Указывая на активное внешнее вмешательство в драматические события «арабской весны», следует признать и то, что в истоке протестов были не лозунги формальной демократизации или изменений конституций, а социальные лозунги и тема социальной справедливости. Иными словами, свергать режимы вышли не условные «кружки теоретиков за свободу и демократию», а реальные социальные активисты, в том числе гуманитарных и иных как формальных неправительственных организаций, так и неформальных объединений. Они выступали, прежде всего, против коррупции и в защиту социальных прав, в т. ч. женщин, инвалидов, боролись за социальные лифты для молодежи. Политические и религиозные лозунги появились на каирской площади Тахрир лишь через некоторое время после начала протестов.

Россия, самоустраняясь от работы в сфере гуманитарных прав, в силу политической традиции *подчеркнуто* концентрируясь исключительно на официальном треке и лишь сравнительно недавно начав активно пользоваться инструментами информационного воздействия (RT, “Sputnik”), по сути отдает широкое поле формирования политического влияния на откуп своим внешнеполитическим конкурентам. В лучшем случае, в соответствии с глубоко ошибочным представлением о сфере гуманитарного как относящегося исключительно к «культурной» и «духовной» сфере, Россия пытается реализовывать символические программы. Такие программы, конечно, тоже необходимы, но главная слабость российской гуманитарной политики состоит в том, что они – за

исключением лишь таких гуманитарных кампаний в условиях острых вооруженных конфликтов, как сирийская – не сопровождаются и не подкрепляются важнейшей работой «на земле», направленной на улучшение гуманитарного положения населения.

V. Повестка сохранения мира

Новый конфронтационный контекст, навязанный России, повышает риски на международной арене. Это связано с целым рядом факторов: кризисом центров принятия решений на условном Западе, профанацией стратегического планирования и легкостью принятия тяжких по своим последствиям политических решений, очередным витком милитаризации, разрушением системы международных балансов и сдерживания. Фактический выход США из договора по противоракетной обороне (ПРО), развертывание систем ПРО у границ России, кризис Договора о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД), предполагаемый последующий кризис режима, регулирующего стратегические наступательные вооружения (СНВ), размещение на де факто постоянной основе контингентов на восточных границах НАТО в нарушение Основополагающего Акта Россия-НАТО, подпитка Западом конфликта на Украине, в том числе поставками летального оружия, другие агрессивные и недальновидные шаги подрывают как глобальную, так и региональную безопасность.

Конфронтационный контекст уже поставил под сомнение возможность практической реализации общих подходов к таким глобальным угрозам, как международный терроризм или распространение оружия массового уничтожения (ОМУ). Данное поле сотрудничества все еще сохраняется и концептуально поддерживается, однако на практике сужается и все менее воспринимается общественным мнением.

На этом фоне гуманитарная проблематика используется как одна из основных платформ для обоснования и выстраивания политики. Это, в частности, подтверждается регулярными попытками атаковать Россию через гуманитарную повестку, касающуюся как ее внутренней, так и внешней политики. В таком контексте гуманитарная проблематика не просто служит предлогом и инструментом, но и проецирует определенную платформу ценностей.

Воздействие на общественное мнение в условиях развития современных медийных платформ и инструментов влияния является одним из центральных инструментов навязывания той или иной политической повестки, защиты и отстаивания интересов в международной политике. Развитие медийных технологий в последнее десятилетие значительно расширило и усилило инструментарий такого воздействия.

По мере дальнейшего роста конфронтационных рисков будет происходить актуализация задач сохранения мира как одних из важнейших в гуманитарной повестке. Этот вопрос будет захватывать медийную сферу и влиять на формирование общественного мнения так же, как это происходило в период конфронтации времен «холодной войны».

Гуманитарная проблематика традиционно монополизируется идеологическими центрами и центрами принятия решений на Западе. Она рассматривается и преподносится как моральная основа для выстраивания политики. С этих позиций чаще всего и атакуется Россия, которую обвиняют в несоблюдении гуманитарных прав и нарушениях прав человека: фразы о «поддержке людоедских режимов» и «притеснениях меньшинств» являются классическими примерами таких атак.

Россия, используя свой исторический и современный опыт, может оказать значительное влияние на общественное мнение Европы и США, перехватив гуманитарную повестку. Это невозможно в условиях жестко конфронтационного курса в отношении США или ЕС, включая повальную критику их гуманитарной политики и ее провалов – во-первых, это подразумевает логику и контекст конфронтации, а во-вторых,

Россия в таком случае заручается определенной, но не критической поддержкой со стороны консервативно настроенной части населения Европы и США. Эффективность раскрутки антироссийской и даже русофобской кампании в США даже среди консервативного электората подтверждает, что возможность солидаризации на правоконсервативной основе в России переоценивается.

«Перехват» гуманитарной повестки должен носить позитивный заряд: не противопоставлять, а предлагать нечто лучшее и большее, некую сверхценность. Сохранение мира и справедливость – традиционные для России ценности, они органично существуют в гуманитарном смысловом поле и им трудно что-то противопоставить с идеологической точки зрения. Перехват повестки должен строиться как утверждение Россией задач сохранения мира и предотвращения несправедливости в качестве политического приоритета в различных сферах общественно-политической жизни, на разных уровнях и по разным линиям: от официальных внешнеполитических контактов до целевого формирования и закрепления новых позитивных стереотипов в медиа, культуре, экспертном сообществе. Проще говоря, Россия должна восприниматься в международных делах как основной гарант мира.

Существующий в Европе и США опыт антивоенных общественных инициатив стал бы перспективной почвой для продвижения российских или про-российских позиций. Для этого важно обеспечить преемственность антивоенной повестки, ее универсальность, привлекательность и возможность формирования сети сторонников и просто симпатизирующих России элементов. При этом не всегда важно, чтобы они были формально ассоциированы с Россией: сам факт антивоенного содержания будет позитивен для России.

Развитие медийных технологий и публичность могут служить мощнейшим усилителем такого подхода. С медийной же точки зрения, для политических элит условного «Запада» противопоставление себя повестке «сохранения мира» будет деструктивным.

Ожидаемым результатом могло бы стать формирование сильного общественного пророссийского – по факту, а не формально – лобби, оказывающего общественное влияние/давление на центры принятия решений и политические элиты, снижение конфронтации с Россией и формирование новых площадок для сотрудничества и поиска путей взаимодействия западных элит с Россией.

Финансирование и поддержка такого «перехвата повестки» и дальнейших проектов ложится в логику действий российских компаний, осуществляющих активную экономическую деятельность за рубежом. В условиях углубляющейся конфронтации они проводят политику снижения коммерческих рисков или ищут пути минимизации угроз, используя в т. ч. лоббистские механизмы. Как представляется, российские финансово-промышленные группы заинтересованы в снижении внешнего давления и конфронтации и могли бы оказать поддержку в реализации данных предложений.

Гуманитарная миссия России, имеющая целью обеспечение российской безопасности и состоящая в продвижении ценностей сохранения мира и снижения глобальной напряженности, может осуществляться как по официальным каналам, так и через так называемый неправительственный сектор. Инструментарий такой политики весьма широк: от официальных мероприятий и инициирования общественных дискуссий, поддержки круглых столов, конференций, неправительственных организаций и мероприятий в сфере культуры, музыкального и кинопроизводства до проектов, направленных на конкретное улучшение гуманитарного положения населения «на земле».

Необходимо учитывать и возможный изначальный скептицизм по отношению к российским инициативам, генерируемый западными политическими элитами через международные медиа.

Объективно оценить эффективность формирования такой платформы влияния можно было бы путем оценки числа и настроения соответствующих публикаций в медиа-сфере, включая замеры общественного мнения, и отклики на конкретные акции в печати/интернете. Одним из признаков того, что такая стратегия эффективна, могла бы стать, например, попытка западных политических элит «отыграть» антивоенную повестку и соответствующее снижение уровня конфронтации и напряженности.

VI. Заключение

В целом, следует признать, что *гуманитарная политика России нуждается в серьезном пересмотре.*

России неоднократно удавалось путем оказания помощи другим странам существенно улучшить уровень жизни их элит. Так, предполагалось, что снижение тарифов на энергоносители – например, для Украины – уже само по себе гарантирует России симпатии со стороны местного населения. Однако ни экономическая, не военная помощь не гарантировала смены даже самых «дружественных» режимов, в том числе и самыми радикальными способами – в результате насильственных государственных переворотов (старое руководство, как правило, просто дезертировало). В то же время, опыт работы ряда западных, особенно европейских, стран, показывает, что гуманитарные проекты и программы помощи по развитию, благополучателем которых становятся более широкие круги населения, а не просто правящие элиты, формируют позитивную повестку на долгосрочную перспективу.

Целенаправленно создавая конструктивную атмосферу через успешную трансляцию ценностей и идей, задействуя механизмы сопричастности, Россия из чужой, иногда враждебно воспринимаемой силы или стороннего наблюдателя способна стать позитивным участником социально-политических процессов в той стране и для того населения, которым она оказывает помощь.

Применительно к конкретным гуманитарным проектам это означает, что они обязательно должны реально улучшать положение населения, общин, домохозяйств – только такой эффект может и должен являться критерием эффективности гуманитарной политики. Только при таком условии она обеспечивает стране, которая является гуманитарным актором, влияние и солидаризацию. Среди таких проектов – и программы оказания медицинской помощи в нуждающихся регионах и странах, включая конфликтные и постконфликтные зона, и образовательные программы – тогда и там, когда и где в них есть потребность – прежде всего, по преподаванию русского языка на территории бывшего СССР. Хотя, возможно, это и не сама популярная точка зрения, но, как представляется автору, преподавание русского языка не должно быть какой-то абстрактной самоцелью – распространение его «по всему миру» ради распространения стало бы бездумной тратой сил и ресурсов и потакало бы лишь российскому национальному тщеславию. Россия не может себе позволить сделать изучение русского языка подобным изучению латыни или древнегреческого – отвлеченным и непрактичным занятием ради создания некоего общего фона научной образованности. Это привело бы к обесцениванию его смысла. Русский язык должен быть *полезным*, а его изучение должно *давать реальные новые шансы* на получение работы, дальнейшее образование, новые возможности в жизни. Английский язык *en masse* учат не для того, чтобы читать Шекспира в оригинале (хотя в академической среде это и не так). Изучение английского языка популярно потому, что дает лучшие возможности для поиска работы и улучшает качество жизни. Так же необходимо работать и с русским языком.

Необходимы систематические, долговременные программы гуманитарной помощи в кризисных, конфликтных зонах, т. е. там, там без нее не обойтись. В этой сфере также необходимо менять технологии и подходы. Сама по себе доставка огромных партий

«гуманитарки» без обеспечения «последней мили», без оценки потребностей и обеспечения доступа к помощи, без оценки эффективности – в отсутствие всех этих профессиональных действий – часто оказывается неэффективной, не достигает адресата, достается не самым остро нуждающимся или вообще попадает не в те руки, не облегчает существенно положение местного населения и беженцев и т. п.

Необходимы и культурные проекты – но там, где в них действительно есть потребность и тогда, когда реализация культурного проекта – выставки, концерта – не становится подменой практической работы «на земле», так как им проще отчитаться перед контролирующими расходы органами.

Российской гуманитарной политике остро не хватает профессионалов. Российские специалисты по разработке и реализации гуманитарных проектов недостаточно представлены в системе ООН и международных организаций. Потребность в таких специалистах существует и в тех российских компаниях, которые ведут внешнеэкономическую деятельность и начинают задумываться о проектах в сфере корпоративной социальной ответственности, а некоторые уже и проводят такие проекты в тех странах, где они работают. Гражданские специалисты-гуманитарии – с новым профессиональным подходом, понимающие стратегию, смысл этой работы – нужны и в МИДе, министерстве обороны, МЧС. В европейских и американских университетах существуют специальные образовательные программы по подготовке таких специалистов, в России же такие примеры – редкость.

Принятая в 2014 г. Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию⁴ (СМР) предполагает активное участие России в качестве донора в программах ООН, но сохраняет акцент на опосредованном участии нашей страны в международных гуманитарных проектах. Это выражается и в распределении средств бюджета: финансирование проектов СМР идет в основном по линии министерства финансов в адрес крупных международных организаций, значительно меньше – по линии прямых двухсторонних программ с участием российского гражданского сектора. Общий объем средств, выделяемых Россией на гуманитарную помощь за рубежом (не говоря уже о более долгосрочной помощи по развитию) несопоставим с затратами таких крупнейших доноров, как США, ЕС или Япония,⁵ но, по российским меркам, и немал. Необходимо также учитывать, что российские компании, ведущие активную внешнеэкономическую деятельность, постепенно перенимают у западных коллег и конкурентов социально-ответственный способ ведения бизнеса, вкладываясь в гуманитарные проекты не только «по окрику» сверху, но здраво оценивая их не как благотворительность, а как способ капитализации и инвестиции в лояльность. Если так можно выразиться, гуманитарный «рынок» растет и его российские участники учатся на достижениях и промахах прошлого.

Руководству России следует уточнить приоритеты страны в области гуманитарной политики, озаботиться эффективностью российских проектов в гуманитарной области и мотивировать российских доноров и акторов на большую ориентированность на практическую работу «на земле» – не для отчетности и не ради символического значения, а ради обеспечения влияния России и «режима благоприятствования» ей путем стимулирования лояльности и солидаризации с ней не только на уровне государств и их правящих кругов, но и на общественном уровне, со стороны местного населения. Если это произойдет, то будущее гуманитарной миссии России оптимистично.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее об истории гуманитарной политики России см. статью историка О.В.Чистякова «Деятельность Российского общества Красного Креста в вооруженных конфликтах (1867–1917 гг.)» в этом сборнике (С. 223–238).

² Васильев А.М. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. – М.: «Наука», 1993. С. 127.

³ Подробнее см. в статье Е.А.Степановой «Гуманитарная роль России в конфликтах на Донбассе и в Сирии (в контексте “ответственности по защите”» в этом спецвыпуске (С. 129–181).

⁴ Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию (утв. Указом Президента РФ от 20 апреля 2014 г. № 259).
URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkB6BZ29/content/id/64542?p_p_id=101_INSTANCE_CptlCkB6BZ29&_101_INSTANCE_CptlCkB6BZ29_languageId=ru_RU

⁵ Подробнее см. статьи о гуманитарной политике США (А.А.Давыдова), Великобритании (К.А.Годованюк), ФРГ (Л.Р.Рустамовой) и Японии (К.Р.Воды) в этом сборнике (С. 249–298).